

О Державине

Угасло одно из светил поэзии нашей, лучезарнейшее светило ее! Державина нет! Смерть похитила в нем у муз почтенного их Нестора, у отечества — мужа знаменитого, прошедшего со славою и пользою поприще долгой жизни, у ближних и друзей — добродушного старца, украшенного семейственными добродетелями. Пускай другие следуют за ним на пути гражданской службы, застают его простым рядовым на часах в день восшествия на престол Екатерины II и потом с удивлением увидят его любимцем, статс-секретарем и певцом Екатерины Великой: мы кинем взгляд на его поприще литературное.

Утратою великих людей, сею горестною ценою покупается прискорбное право говорить о них свободно. С одной стороны, недоброжелательство не упрекнет критика лестию; с другой, — страх оскорбить раздражительное самолюбие не увлечет его за границу надлежащих похвал.

Державин, как другой Ломоносов, создал сам себя. Судьба не уравнила пути, по которому он должен был достигнуть до первых степеней государственного человека и вершины славы пиитической. — Первые порывы пиитического таланта ознаменовались в гвардейском сержанте. После того оды, написанные при горе *Читалагае* и напечатанные в 1777 году¹, из которых многие переправленные явились после в свет под другими названиями, показали малому тогда числу любителей поэзии достойного наследника лиры Ломоносова, а прозорливому взгляду просвещенных судей — и будущего победителя сего творца и образователя русской поэзии.

Светильник наук в первые годы его молодости не озарял перед ним мира, в котором тогда единственным вождем и истолкователем его таинств был ему вдохновенный гений его, душа пылкая и ум прозорливый и наблюдательный. Первыми его учителями в стихотворстве были, кажется, Ломоносов и Петров. У первого он научился звучности языка пиитического и живописи поэзии; у другого похитил он тайну заключать живую или глубокую мысль в живом и резком стихе — тайну, совершенно неизвестную Ломоносову.

В скором времени Державин сравнился с наставниками и, конечно, превзошел Петрова. Не долго, однако же, следовал он по дороге, проложенной его предшественниками. Своенравный гений его, испытанный богатство и свойство

Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. — М.: Худож. лит., 1982. — Т. 2. Литературно-критические статьи. Сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982

© <http://imwerden.de> — некоммерческое электронное издание, 2007. OCR Бычков М. Н.

языка почти нового, пробил себе путь особенный, на котором не было ему вожатого и не будет достойного последователя. Без сомнения, если многие из од Державина могут разделить на определенные роды: *Пиндарический*, *Горацианский*, *Анакреонтический*², то многие по всей справедливости должны назваться *Державинскими*. И строгий законодатель вкуса и правил не усомнится прибавить новую статью к своей пиитике. Какая словесность древних или новейших народов могла служить ему образцом для од: «Фелица», «Изображение Фелицы», «Видение Мурзы», «Осень во время осады Очакова», «Счастье», «На походы в Персию», «Вельможа» и пр.? Не говорю уже об оде «На смерть Мещерского» или «К первому соседу», где, конечно, наш поэт, следуя Горацию, одел глубокие истины и философию прелестию поэзии, но кисть и краски занял он не у римского поэта. Не говорю уже о «Водопаде», где все дышит дикою и ужасною красотою, где поэзия победила живопись, но где, к сожалению, не видно единства в расположении и приметно, что поэт (как точно, говорят, и было) составил свою поэму в разные времена и из разных частей. Пьесы вышеназванные и некоторые другие можно назвать рудниками поэзии, сокровищем опасным, до которого на свою гибель дотронется рука легкомысленного последователя. Из всех поэтов, известных в ученном мире, может быть, Державин более всех отличился оригинальностью, и потому род его должен остаться неприкосновенным. Природа образовала его гений в особенном сосуде — и бросила сосуд. Державину подражать не можно, то есть Державину в красотах его. Подражатели его заимствуют одни пороки, но ни одной красоты, ни одной мысли, ни одного счастливого выражения из могущественной и упрямой руки гения не исторгнут. Но если Державин, как создатель рода, до него неизвестного, сорвал вечнозеленую пальму поэзии, то и по творческим подражаниям он может занять место наряду с величайшими поэтами. Сомневаюсь, чтоб Анакреон превзошел нашего певца в прелести и простоте стихотворений, освященных его именем; разве, может быть, по достоинству слога, о котором одни современники его могли судить безошибочно, но, конечно, не по прелести живописи, затейливой игривости и свежести воображения. Я забываю Анакреона, читая «Хариты», «Русскую пляску»; вижу перед собою Державина, сего единственного певца, возделывшего среди печальных снегов Севера огненные розы поэзии, — розы, соперницы цветов, некогда благоухавших под счастливым небом Аттики. В самом подражании его нет ничего рабского, заимственного. Читая Державина и Анакреона, вы скажете, конечно: их души были сродны. Державин при дворе роскошного Иппарха говорил бы языком мудреца Феоского³; если б Анакреон родился на берегах Невы, то употребил бы все краски Державина для составления сих малых, но бесценных картин, дышащих сладострастием и негою. Гораций, перенесенный судьбою из влажного Тибура или от роскошных вод Байи, Гораций, желая поразить мыслию о смерти кипящее радостью и всегда легковерное в счастья сердце, не сказал ли бы, как наш поэт:

Где стол был яств, там гроб стоит,
Где пиршеств раздавались клики,

Надгробные там воют лики,
И бледна смерть на всех глядит...⁴

И счастливцев содрогнул бы при сих словах, подобно как от тех стихов, в которых Гораций напоминает роскошному римлянину, что из всех растений, украшающих его сад, последует за ним один печальный кипарис в печальную обитель теней⁵.

В течение трех царствований раздавались песни Державина. Но блестящий век Екатерины, сей пиитический век славы России (которого Державин, казалось, был посреди нас живым и красноречивым памятником), был лучшею эпохою и его славы. Он застал его в полном цвете мужества и силы. Настоящие дни, обильные грозными бурями и величайшими подвигами народного мужества, были свидетелями заката его гения, удрученного летами. Но подвиги сынов Суворова часто пробуждали от сна его песнопевца и извлекали из лиры, уже охладевшей, звуки, достойные минувших дней. Две или три из пиес, написанных Державиным в последние три года, можно назвать прощальною песнию умирающего лебедя.

Часто Державин, увлеченный своенравием смелого гения, посреди лирических восторгов пламенел негодованием Юеввала, и струны *Пиндарической* лиры метали укоризны в порок, пробуждая трепетом раскаяния преступное упоение развратных любимцев счастья. Некоторые из од его, как, например, «Вельмож», могут по справедливости назваться *лирическими сатирами*.

Первый том его стихотворений, кроме пиитического достоинства, имеет для нас и другую привлекательную сторону. Он один живописует глазам нашим картину двора великой монархини, родит в сердцах наших драгоценные воспоминания и сохраняет для внуков некоторые черты лиц, игравших значительные роли в сем периоде, столь обильном чудесными происшестввами. По этой причине встречаются у Державина места темные, сомнительные для нас, еще не столь отдаленных от времени, в котором они писаны, и к которым потомство совершенно потеряет ключ. Державин написал пояснения на два первые тома; они хранятся в руках мужа почтенного^a, знающего им цену. Можно надеяться, что сей ревнитель русской словесности, которая обязана ему многими полезными трудами, со временем употребит с пользою драгоценность, вверенную ему Державиным^b.

Иные сравнивали Державина с Ломоносовым; но что, между ними общего? Одно: тот и другой писали оды. Род, избранный ими, иногда одинаков, но дух поэзии их различен. Ломоносов в стихах своих более оратор, Державин всегда и везде поэт. И тот и другой бывают иногда на равной высоте; но первый восходит постепенно и с приметным трудом, другой быстро и неприметно на нее взлетает. Ломоносов в хороших строфах своих плывет величавым лебедем; Державин парит смелым орлом. Один пленяет нас стройностию и тишиною движений; другой поражает нас неожиданными порывами: то возносится к

---

^a Митрополита Киевского Евгения, бывшего в 1816 г. архиепископом Псковским и Порховским. (Прим. П. А. Вяземского.)

солнцу и устремляет на него зоркий и постоянный взгляд, то огромными и распущенными крыльями рассекает облако и, скрываясь в нем как бы с умыслом, является изумленным нашим глазам в новой и возрожденной красоте. Ломоносова читатель неподвижен; Державин увлекает, уносит его всегда за собою. Державин певец всех веков и всех народов! Ломоносов певец российского двора. Гораций не дожил бы до нашего времени, если бы из его творений сохранились одни похвалы Августу⁷. Может быть, тогда и вовсе не читали бы его или читали бы в латинских классах университетов и училищ, и круг славы величайшего из поэтов-философов был бы весьма ограничен. Пиитический гений Державина возлагает дани на всю природу — и вся природа ему покорна. Гений Ломоносова довольствовался некоторыми даяниями, и мы негодуем на его умеренность. Вся природа говорит сердцу и воображению творца «Водопада» пиитическим и таинственным языком, и мы слышим отголоски сего языка. Ломоносов был, кажется, невнимателен к ее вдохновениям. Державин смотрел на природу быстрым и светозарным взором поэта-живописца; Ломоносов медленным взглядом наблюдателя. Пиитическая природа Державина есть природа живая, тот же в ней пламень, те же краски, то же движение. В Ломоносове видны следы труда и тщательная отделка холодного искусства. Одним словом, все, что человечество имеет священнейшего, что человек имеет благороднейшего, — доблесть сердечная, сострадание, праведное негодование и презрение к пороку, глубокие мысли о бессмертии и Создателе, печальные чувства при виде слабости и страданий человечества, сердечные воспоминания юности, родины, великих деяний предков и современников, все сокровища души, ума и сердца обогатили воображение величайшего из поэтов — Державина.

Будем справедливы и признаемся, что достоинство его, как поэта, многим превышает достоинство его предшественника, но что не менее того труды и подвиги Ломоносова — труды и подвиги исполинские. Если Державин обязан природе своим гением, мы обязаны Ломоносову тем, что гений Державина, не имея нужды бороться с предлежащими трудностями языка, мог явиться на поприще его достойном. Будем дивиться красоте изваяния Петра Великого, искусству художника; но будем благоговеть и пред трудами, победившими самую природу и вызвавшими из недр аемли огромное подножие, служащее статуе достойною подпорою и украшением.

Желательно, чтобы искусная рука, водимая вкусом и беспристрастием, собрала избранные творения Державина. С сею книжкою могли бы мы смело предстать пред славнейшими лириками всех веков, всех народов, не опасаясь победителя.

Образ Державина, сей образ, озаренный пламенником гения, сохранен нам знаменитым живописцем Тончи⁸. Живописец-поэт изловил и, если смею сказать, приковал к холсту божественные искры вдохновения, сияющие на пиитическом лице северного барда. Гений живописца прозорливым, вдохновенным взглядом постиг печать гения поэзии, темную для слепой толпы. Картина, изображающая Державина в царстве зимы, останется навсегда драгоценным памятником как для искусства, так и для ближних, оплакивающих великого и

добродушного старца. Молодой поэт, постигший пламенную душу красоты знаменитого лирика, будет хранить образ его в уединенном своем святилище. Сей безмолвный памятник красноречивыми воспоминаниями поведаст ему славу Державина и будет завещать ему блестящий его пример. Юный питомец муз не будет подражать ему в слог; но подобно ему, питая душу одним изящным, одним тем, что достойно муз, усилит рождающийся талант и даст ему новые крылья.

Разборчивая и строгая критика изречет со временем свой решительный приговор достоинству Державина и в горниле своем очистит золото от чуждой примеси. Но мы, еще живо пораженные утратой великого мужа, в первые минуты горести осыпем цветами признательности свежую могилу песнопевца, которого память не остынет в сердцах ближних его, а место, может быть, еще на долгое время останется праздным на нашем Парнасе!

1816

КОММЕНТАРИИ

Высшее общество безучастно приняло весть о кончине Державина; 18 июля 1816 г. Карамзин писал И. И. Дмитриеву: «В воскресенье мы обедали в Павловске: никто не сказал мне ни слова о смерти знаменитого поэта!» (Н. М. Карамзин. [Письма И. И. Дмитриеву](#). М., 1866, с. 191). Этому позорному равнодушию Вяземский противопоставил восторженную оценку творчества патриарха русской поэзии. В своих суждениях о Державине Вяземский в первую очередь отмечает своеобразие его поэзии; как справедливо пишет Н. И. Мордовченко, «по почину Вяземского, Державин стал знаменем русских романтиков именно за оригинальность своего творчества. В этом духе через несколько лет будут характеризовать Державина Бестужев и Кюхельбекер» (П. А. Вяземский // Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959, с. 140). Молодой критик не боится войти в противоречие с признанной классификацией жанров: «Без сомнения, если многие из од Державина могут разделиться на определенные роды: *Пиндарический, Горацянский, Анакреонтический*, то многие по всей справедливости должны назваться *Державинскими*. И строгий законодатель вкуса и правил не усомнится прибавить новую статью к своей пиитике». Бросая вызов старинным установлениям, Вяземский высказывал новые, передовые суждения о поэзии и языке.

Блестящая историческая параллель (сравнение поэзии Ломоносова и Державина) искусно раздвигает рамки статьи; уже в этом раннем опыте проявляется неотъемлемая черта критической позиции Вяземского: стремление к историко-литературному осмыслению современной ему литературы.

Вяземский ценил творчество Державина не столь безоговорочно, как это может показаться по его статье. В «Записной книжке» он писал: «Кажется, Дер-

жании внимал только наличным вдохновениям. В стихах его Петру Великому нет ни одного стиха, достойного ни героя, ни поэта. Павел был счастливее, но зато Державин несчастливее. Похвала недостойному отражается пятном на хвалителе.

Эти два стиха Державина стоят хвостовских красот:

Иль в лодке, вдоль реки, по берегу пещ, верхом
Качусь на дрожках я соседей с вереницей.

...Многие из второстепенных произведений Державина если не по слогу, силе и живописи выражений, то по крайней мере по мыслям, в них заключенным, должны быть в памяти читателей. В числе их стихи Храповицкому. Три последние строфы отличаются благородным чистосердечием, а два стиха:

Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить —

одни стоят ста звучных стихов. Сюда же могут идти «К Скопину», «Мужество», «Ко второму соседу» и несколько других. По ним Державин не был бы первым нашим лириком, но всегда был бы мыслящим поэтом, и поэтом-философом. Его стихотворения, точно как Горациевы, могут при случае заменить записки его века. Ничто не ускользнуло от его поэтического глаза» (П. А. Вяземский. [Записные книжки \(1813—1848\)](#). [Послесл. В. С. Нечаевой], М., 1963, с. 34—35).

Впервые — СО, 1816, ч. 32, № 37, с. 163—175; перепечатано: ВЕ, 1816, ч. 88, № 15, с. 222—232. Печатается по изд.: ПСС т. I, с. 15—21.

¹ Вяземский имеет в виду сборник «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае» (1776). В этот сборник, в частности, входила «Ода на знатность», которая впоследствии была включена Державиным в его знаменитую оду «Вельможа».

² Классификация Вяземского основана на характерных особенностях поэзии античных авторов: древнегреческий поэт Пиндар писал торжественную хоровую лирику (гимны, оды, дифирамбы и т. д.). Древнеримский поэт Гораций был автором сатир («бесед»), медитативной лирики и посланий, в которых рассуждения философского характера сочетались с показом личности автора в разнообразных жизненных ситуациях. Древнегреческий лирик Анакреонт воспевал жизнелюбие, беспечность, любовь и вино. От поздней античности сохранился сборник подражаний Анакреонту («Anacreontea»), который во многом являлся образцом для русских поэтов и служил источником переводов и подражаний.

³ ...при дворе роскошного Иппарха... мудреца Феоского... — Анакреонт, уроженец малоазийского города Теоса, жил одно время в Афинах при дворе тирана Гиппарха.

⁴ Стихи из оды «На смерть князя Мещерского» (1779).

⁵ Имеются в виду следующие строки оды Горация («Оды», кн. 11, 14):

Оставим землю, дом наш, любезную
Жену; из сада, нами возвращенного,
Один лишь кипарис немилый
Нас не покинет, владык недолгих.

(Гораций. Оды. М., 1935, с. 78; перевод И. И. Шатерникова)

Кипарис (греч. миф) — прекрасный юноша, который, нечаянно убив любимого оленя, впал в глубокую тоску; Аполлон из сострадания превратил его в дерево — кипарис, который стал символом печали; кипарисы было принято сажать на кладбище.

⁶ Об истории изданий сочинений Державина и пояснений к ним см.: В. А. Западов. Текстология и идеология... — В кн.: «Проблемы изучения русской литературы», вып. 4. Л., 1980, с. 96—129.

⁷ Помимо произведений, восхвалявших императора Августа и его пасынков Тиберия и Друза, Гораций писал многочисленные оды и послания, посвященные темам частной жизни и философским размышлениям; ему же принадлежит письмо к Пизонам об искусстве поэзии, давно вошедшее в историю культуры под названием «Наука поэзии» («*Ars poetica*»).

⁸ Портрет Державина был написан художником С. Тончи в 1801 г.